

Swietłana Falkowicz

Понятие "поляк-католик" в сознании русских

Acta Polono-Ruthenica 4, 234-243

1999

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Swietłana Falkowicz
Moskwa

Понятие „поляк-католик” в сознании русских

На складывание взаимных представлений народов друг о друге влияют различные факторы, причем в разные периоды их роль и значение может меняться.¹ Это, в частности, хорошо прослеживается на примере той роли, которую в процессе формирования у русских стереотипа поляка играли религиозные различия между обоими народами. В средние века значение этих различий было огромно и воспринималось особенно остро: в глазах православного русского поляки-„латиняне” были такими же „нехристями”, „басурманами”, как татары-мусульмане и немцы-лютеране. По словам историка И. П. Филевича, в то время „русские беса представляли в виде ляха”², а В. О. Ключевский утверждал, что поляк и татарин были постоянными врагами истинно русского человека и в XVIII в.³

Отголоски такого представления о поляках нашли отражение и в художественной литературе, воспроизводящей атмосферу XVII-XVIII вв. Так, в исторических повестях Н. В. Гоголя *Тарас Бульба*, *Страшная месть* запорожцы называют поляков не иначе как „погаными католиками”, „проклятыми недоверками”, „нечестивым”, „неверным” народом, служащими врагу рода человеческого - сатане. У А. С. Пушкина в исторической драме *Борис Годунов* католичество представляет наступающим на Русь об руку с польским нашествием, а сёндз Черниковский, взывая к святому Игнатию (основателю ордена иезуитов Лойоле), предлагает Самозванцу руководствоваться иезуитским принципом: „притворствоваться пред огла-

¹ См.: S. M. Falkowicz, *Polski charakter narodowy w oczach Rosjan. Kształtowanie się narodowego stereotypu Polaka*, „Dzieje Najnowsze”, 1995, nr 2.

² И. П. Филевич, *Польша и польский вопрос*, Москва 1894, s. 2.

³ В. О. Ключевский, *Курс русской истории*, [в:] *Сочинения*, т. 5, Москва 1989, s. 36.

шенным светом” во имя исполнения „духовного долга” - обращения русских в католическую веру.⁴

Иезуитизм не вошел в польский стереотип в качестве постоянной черты, но понятия „поляк” и „католик” слились в представлении русских. Этому способствовала специфика эпохи разделов Польши, когда польский народ боролся против национального угнетения, за свободу, за восстановление своего государства. В этой борьбе религия была для поляков опорой и оплотом; конфессиональный признак акцентировался ими, так как лишний раз подчеркивал их особенность, противопоставлял угнетателям. В результате образ „поляка-католика” прочно укоренился в сознании русского общества, это словосочетание стало как бы стереотипом в стереотипе.

Во второй половине XIX в. и в консервативных, и в либеральных кругах России „латинство” Польши рассматривалось как важный элемент ее истории. Известные славянофилы И. С. Аксаков и А. С. Хомяков считали, что измена поляков славянским принципам в пользу католицизма и шляхетских привилегий имела следствием гибель Польского государства. При этом они противопоставляли латинизированной польской шляхте славянское крестьянство и видели в проведении крестьянской реформы путь к возвращению Польши в лоно славянства.⁵

Русские историки этого периода, пытавшиеся подвести научную базу под объяснение польского национального характера, также признавали католицизм, „латинство” поляков важным фактором его формирования наряду со славянскими и сарматскими корнями. По мнению П. Д. Брянцева, И. П. Филевича, М. О. Кояловича, М. Ф. Владимирского-Буданова и др., католицизм оказал разрушительное влияние на польский национальный характер и определил тем самым форму общественно-политического устройства Польши, которое привело ее к гибели. Негативную роль католицизма подчеркивал и Н. Я. Данилевский, утверждавший, что с ним связана не-

⁴ А. С. Пушкин, *Сочинения*, Москва 1949, s. 421.

⁵ G. Kurpisowa, *Poglądy Iwana Aksakowa na kwestię polską*, „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Historia. Uniwersytet Gdański”, 1976, nr 6, s. 29, 31-32; A. Bezwiński, *Chomiaków w kręgu spraw polskich*, „Studia Polono-Slavico-Orientalia”, t. 3, Wrocław 1976, s. 127.

отъемлемая черта польской истории - насильственность и нетерпимость, в том числе и религиозная.⁶ В то же время в русской исторической науке существовало и другое мнение на этот счет: в частности Ф. М. Уманец отмечал, что политическая и религиозная свобода для шляхты воцарилась в Польше раньше, чем в других странах Европы.⁷

Таким образом, формула „поляк-католик” в целом была принята общественным мнением России, различны были лишь ее интерпретации представителями тех или иных его течений. Подобная ситуация сохранялась и в начале XX в., когда образ „поляка-католика” стал предметом осуждения не только в прессе и публицистике, но даже и на форуме Российской Государственной Думы. В думских выступлениях русских националистов, ставивших знак равенства между конфессиональной и национальной принадлежностью, этот образ приобретал злобещий характер, подчеркивалась его агрессивность, фанатизм, ненависть к русским и православным.⁸

Значительную часть правого крыла Думы занимали служители православной церкви, наиболее рьяные представители которой называли католиков „двуногими зверями”, „предтечами антихриста” (так писал, например, епископ Полоцкий Серафим в *Слове на католиков*).⁹ С думской трибуны с разоблачением „латино-польской пропаганды” постоянно выступал епископ Евлогий, депутат от Люблинской и Седлецкой губерний, а также православные священники А. Д. Юрашкевич, Н. Е. Гепецкий, Е. Я. Ганжулевич, представитель Витебской губернии епископ Митрофан.¹⁰ Обличителями „поляков-католиков” были и светские ортодоксы и реакционеры - Г. Г. Замысловский, В. А. Бобринский 2-ой, В. Н. Львов 2-ой и др. В частности, Бобринский ставил в один ряд „национальный [то есть поль-

⁶ Н. Я. Данилевский, *Россия и Европа*, Санкт-Петербург 1871, s. 187-188.

⁷ Ф. М. Уманец, *Вырождение Польши*, Москва 1872, s. 16, 172, 281.

⁸ См.: С. М. Фалькович, *Проблемы католической церкви и католической веры в Государственной Думе после революции 1905 - 1907 гг. в России*, [в:] *Католицизм в России и православие в Польше (XI - XX вв.)*, Warszawa 1997, s. 277-285.

⁹ *Государственная Дума. III созыв. Стенографические отчеты* (далее ГД), сессия 2, ч. 4, Санкт-Петербург 1909, стлб. 2038-2041.

¹⁰ ГД, сессия 4, ч. 1, Санкт-Петербург 1910, стлб. 2000, 2047.

ский - С. Ф.] шовинизм и фанатизированное латинство”, а Замысловский в подтверждение этого приводил пример восстания 1863 г. в Королевстве Польском, напоминая, что ксендзы тогда возглавляли повстанческие отряды, входили в Варшавское общество кинжальщиков. Те же „жестокость, непримиримость, фанатизм” поляков он отмечал и в событиях 1905 г., происходивших в западных губерниях России. Евлогий также подчеркивал, что массовое „совращение” в католичество русского населения Западного края в революции 1905 г. польские ксендзы проводили вместе с польской шляхтой под лозунгом: „настала власть Польши”, что они распространяли слухи, с одной стороны, о „полном банкротстве и бессилии русской власти, о полном торжестве Польши”, а с другой, „об изгнании всего православного”, о принятии католической веры якобы даже царем и царицей.¹¹

Акцентируя связи национальной и религиозной агрессивности поляков в западных губерниях, Юрашкевич заявлял: все, „что в Западном крае носит название поляков и католиков, - это бывшие русские православные, те, которые изменили вере своих отцов”, и окатоличивание местного православного населения продолжается. Бобринский подчеркивал, что „кровавую историю Забужского края поляки творили с благословения папы”, что процессы ополячивания и окатоличивания на Холмщине шли одновременно. Евлогий особо отмечал „злое дело” унии в западных губерниях, которая в начале XIX в. „перевела в латинство и ополячила все родовитое русское дворянство [...] латинизировала, полонизировала русское униатское духовенство”. Он обвинял „поляков-католиков” в „злобе и ненависти по отношению ко всему русскому и православному”. В речах русских националистов постоянно звучало противопоставление „польского латинства” и „православной русской народности”, причем не только при обсуждении религиозных проблем, но и при решении вопросов, затрагивающих политические интересы. Так, во время обсуждения интерpellации о отнятии у верующих костела в Ополе, Львов 2-ой доказывал: возвращение костёла послужило бы „лозунгом, что католичество сильно, что Польша

¹¹ ГД, сессия 2, ч. 4, стлб. 1768-1769, 2010, 2013-2014, 2016-2017; сессия 3, ч. 2, Санкт-Петербург 1910, стрб. 436-437, 739-740, 1084-1085.

восторжествовала”; поэтому ни один русский и православный не мог этого допустить. „Мы защищаем свое правое русское дело”, - заявил он.¹²

Мысль о противостоянии католической Польши и православной России откровенно выразил Юрашкевич. Выступая против законопроекта о свободе перехода в иную веру, он сказал, что закон нужен полякам для окатоличивания Холмщины, и „прямо и открыто” назвал их „врагами русского народа”, а католиков Западного края „изменниками веры своих отцов”. Четкую формулу дал Замысловский: „для Западной России католицизм - это символ польской национальности и польской государственности”; он обращал внимание на тождественность борьбы между православием и католичеством на западе России с борьбой русской государственности против государственности польской, а также отмечал связь идей этой последней с религиозным фанатизмом, приводя в пример проповеди католического священника, толковавшего не только о вере, но и о польском орле. Замысловский подчеркивал, что католицизм „закалился в нетерпимости, в фанатизме [...] под влиянием политической национальной борьбы”.¹³

Таким образом, взаимозависимость национальной и конфессиональной активности поляков являлась для русских националистов в Думе непреложным фактом. „Если по всему лицу земли русской понятия религии и национальности смешиваются, - говорил депутат от Минской губернии И. Я. Павлович, - то имеет место в высшей степени там, где исповедуется религия католическая”. На связи национальной и религии настаивал и Гепецкий, считавший, что переход в католичество влечет за собой ополячение, то есть измену русской национальности. Юрашкевич же, вскрывая суть закона о свободе перехода в иную веру, так определил его цель: „увеличить число католиков, а через это - поляков”. Он доказывал, что „нет православных поляков и нет католиков неполяков. Католик означает поляк”; поэтому нужно задержать процесс окатоличивания и ополячивания на Холмщине и в целом на западе России, где раз-

¹² ГД, сессия 2, ч. 4, стлб. 1838-1840; сессия 3, ч. 2, стлб. 440-442, 732, 740, 1084-1085.

¹³ ГД, сессия 2, ч. 4, стлб. 1837, 2007-2008, 2011-2015.

дается „воплъ о новом нашествии католицизма”.¹⁴

Об отождествлении, с одной стороны, русского и православного, а с другой, польского и католического говорил и представитель Гродненской губернии В. К. Тычинин, который также предупреждал об угрозе окатоличивания и ополячивания, указывая, что проводником полонизации является польское духовенство.¹⁵ Русские националисты стремились предотвратить эту угрозу, перекрыв ксендзам возможность вести католическую пропаганду среди масс, и, в частности, хотели бы вернуться к дореволюционным временам, когда (как об этом свидетельствовал член Польского кола А. Парчевский) в костёлах запрещались проповеди на польском языке и даже говорить с прохожими по-польски ксендзы не имели права.¹⁶

Запретить польский язык как средство окатоличивания - такой метод правые депутаты пытались использовать и при решении в Думе вопросов образования и просвещения. Прежде всего речь шла о языке преподавания религии в начальных училищах. Тычинин жаловался, что белорусов учат закону Божию по-польски; вместе с Евлогием, выступавшим против ополячивания русских жителей Холмщины и Западного края на основании принадлежности их к католической церкви, он требовал преподавать религию католикам-неполякам на русском языке. Юрашкевич шел дальше, предлагая назначать учителями в Западном крае только православных; как и Евлогий, он считал, что иначе школа попадет в польские руки и станет орудием полонизации. „Поляк, - заявлял Юрашкевич, - не только любит свою народность, он любит и свою историю, свое прошлое [...] в настоящее время он не оставляет своей мысли когда-нибудь восстановить это прошлое, восстановить польское царство [...] все силы, все помышления, все чувства, все сердце, вся душа поляка теперь устремляются к этому делу”. Юрашкевичу вторили выступавшие в дебатах по бюджету Министерства просвещения священники Ф. И. Никонович и Кузьминский, представители Витебской и Гродненской губерний, и С. Н. Алексеев, депутат русского населения Варшавы. Последний подтвердил, что

¹⁴ Ibidem, стлб. 1792-1793, 1843-1845, 2030-2031.

¹⁵ ГД, сессия 4, ч. 1, стлб. 581-587; сессия 4, ч. 2, Санкт-Петербург 1911, стлб. 3397-3400.

¹⁶ ГД, сессия 2, ч. 4, стлб. 1877-1879.

польские противники русской православной школы все стремятся к независимости, к восстанию против русского народа и государства.¹⁷

Как показали дебаты о школе и языке обучения, русские националисты, вопреки своим категоричным заявлениям, вынуждены были признать, что католичество в западных губерниях исповедуют не одни поляки, что там есть католики русские, украинцы, белорусы. Украинцев и белорусов они особенно стремились уберечь от „польского окатоличиванья”, добиваясь запрета обучать их закону Божию по-польски. Но при этом молчанием обходился тот факт, что для украинцев, белорусов, литовцев русский язык, предлагавшийся в качестве языка обучения, также был неродным. Об этом напомнили в Думе и ксендз С. Мацевич, и представитель трудовиков А. А. Булат, который подчеркнул, что если со стороны ксендзов литовцы подвергаются полонизации, то цель православного духовенства - их обрусение.¹⁸

Слова Булата свидетельствовали, что и на левом фланге Думы тесная связь Польши с католичеством не подвергалась сомнению, хотя отношение к национальным и религиозным правам поляков резко отличалось от позиции думских реакционеров. Это подтверждало и выступление социал-демократа Т. О. Белоусова, назвавшего в качестве звеньев одной цепи „кровавую историю униатов, кровавую историю Польши”. Член кадетской фракции В. А. Караулов также подчеркивал тенденциозную направленность религиозной политики польских властей в Речи Посполитой и аналогичную религиозную нетерпимость по отношению к полякам в православной России.¹⁹ Что касается октябристов, то их взгляд на проблему польской национальности и католической веры еще в 1907 г. Выразил А. И. Гучков в органе своей партии „Голос Москвы”. Он признавал национальные и религиозные особенности поляков и призывал к уважению их в этнографической Польше, но одновременно требовал прекратить полонизацию Западного края, не навязывать католицизм и польский язык русскому населению, заменить

¹⁷ ГД, сессия 4, ч. 1, стлб. 986-987, 1022-1035, 1312-1315, 1320-1325, 1370-1374.

¹⁸ ГД, сессия 4, ч. 1, стлб. 1152-1158, 1242-1244, 1318-1322.

¹⁹ ГД, сессия 2, ч. 4, стлб. 1813, 1884.

ксендзов-поляков русским католическим духовенством, обучать в польских школах только поляков-католиков, а отнюдь не католиков-русских. Эта позиция во многом перекликалась с тем, чего требовали для западных губерний русские националисты, правда, в отличие от последних, называвших поляков врагами России, Гучков заявлял, что хотел бы видеть в польском народе „не врага, а брата и друга”.²⁰

Несмотря на разницу и даже диаметрально противоположность позиций различных партий в Думе, в выступлениях их представителей неизменно присутствовал образ поляка-католика, хотя отношение к этому образу было неодинаковое. Созданию и поддержанию такого образа способствовали и сами польские депутаты, защищавшие национальные права польского народа и католическую церковь, подчеркивавшие свою национальную и конфессиональную принадлежность. Так, Парчевский в связи с выдвижением законопроектов, носивших антипольский характер, заявил 23 мая 1909 г.: „католики и поляки убеждены в том, что и в будущем они будут заставлены очень многое перенести и перестрадать, как перестрадали уже в прошедшем времени и как страдают сегодня”.²¹

Фраза Парчевского несла в себе не только привычную формулу „католик-поляк” в качестве подтверждения характерной черты польского стереотипа, но и нечто большее - то содержание этой формулы, которое чутко воспринималось известной частью русского народа, не ангажированной в тенденциозную политику, не ослепленной национализмом и религиозным фанатизмом. Парчевский говорил о страданиях „поляков-католиков”, а русской душе было свойственно отзываться на чужую боль. Н. А. Бердяев, видевший в „распре России и Польши” „столкновение православной и католической души” внутри славянства, писал, что „в польской душе есть переживание Христова пути, страстей Христовых, Голгофской жертвы”, это „наиболее утонченная и изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой”. „Польская душа, - отмечал он, - вытягивается вверх. Это - католический духовный тип”.

²⁰ Цит. по: „Trybuna” (PPS-frakcja), 1 IX 1907, nr 18, s. 49-50.

²¹ ГД, сессия 2, ч. 4, стлб. 1881-1882.

Бердяев подчеркивал, что именно „латинско-католическая прививка к славянской душе” создала „польский национальный лик” и именно она затруднила взаимоотношения между поляком и русским. „Для погруженной в себя русской души, получившей сильную православную прививку, - писал он, - многое не только чуждо и непонятно в поляке, но неприятно, отталкивает и вызывает вражду”, русским людям труднее всего „постигнуть католическую культуру и душевный тип, на ее почве вырастающий”, так как они „остаются православными по своему душевному типу”; в складе их души „нет ничего готического”, „русская душа распластывается перед Богом”, в ней больше смирения, тогда как в польской душе - „пафос страдания и жертвы”. И тем не менее Бердяев видел „общее и роднящее” „на вершинах духовной жизни русского и польского народа, в мессианском сознании”. „И русское, и польское мессианское сознание, - утверждал он, - связывает себя с христианством. [...] Жажда Царства Христова на земле, откровение Св. Духа есть жажда славянская, русская и польская жажда”. На этой основе можно и нужно „взаимно полюбить качества народных душ и простить их недостатки”. При этом „русская душа останется православной по своему основному душевному типу, как польская душа останется католической. Это глубже и шире православия и католичества как вероисповедания, это - особое чувство жизни и особый склад души”.²²

Статья *Русская и польская душа* была написана Бердяевым во время Первой мировой войны, накануне событий, ставших переломными в судьбах народов России и Польши. После Октябрьской революции 1917 г. в Советском государстве проводилась политика воинствующего атеизма, и религиозные различия в связи с этим утратили значение, ушли из жизни многие привычные понятия и выражения, в том числе стерлось и понятие „поляк-католик”, эта характерная черта не акцентировалась в польском стереотипе. Правда, порой образ польского ксендза, коварного иезуита возникал в том или ином произведении советской литературы и искусства (например, в фильме „Богдан Хмельницкий”), но в целом стирание этой грани польского стереотипа явилось иллюстрацией к процессу его эволюции под влиянием различных факторов.

²² Н. А. Бердяев, *Судьба России*, Москва 1990, s. 152-158.

Представляется, что эта эволюция далеко не завершена, и одна из характернейших черт в национальном стереотипе поляка может занять свое место в новых, изменившихся условиях, когда в России возрождается интерес к религии. К счастью, в стране пока еще не получило распространения и не вошло в массовое сознание противопоставление православия и католичества. Поэтому представление россиян о религиозности поляков работает скорее на сознание положительного образа носителя христианских ценностей. И это еще один пример того, как может меняться трактовка и оценка тех или иных черт национального стереотипа в зависимости от условий, от общей обстановки.